

1. Львова З. А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 20, 1979.
2. Сафарова И. А. Новые материалы по химическому составу тверских стекол (в печати).
3. Сафарова И. А., Кобозева Е. А. Исследование глазури на образцах поливной посуды из раскопок Затъмацкого посада г. Твери (в печати).
4. Шапова Ю. Л. О химическом составе поливы. Приложение к статье А. Ф. Медведева. Ближневосточная и золотоордынская керамика из раскопок в Новгороде // МИА, № 117, М., 1963.
5. Шапова Ю. Л. Введение в вещеведение. Естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М., 2000.
6. Шапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998.
7. Шапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.
8. Шапова Ю. Л. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное // СА, 1984, № 2.
9. Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА, № 117, 1963.
10. Полубояринова М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
11. Столярова Е. К. Средневековые стеклянные перстни Москвы (проблема происхождения) // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999.
12. Столярова Е. К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII—XIV вв. // РА, 1997, № 4.
13. Коваль В. Ю. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского. // РА, 1998, № 2.

Ярославское Поволжье эпохи раннево Средневековья в исследованиях кафедры археологии Санкт-Петербургского университета

Археология: история и перспективы, Ярославль, 2023

Период конца 60-х — начала 70-х годов уже прошлого столетия характеризуется расширением объема археологических исследований в нашей стране и за рубежом с участием советских ученых — для этого достаточно просмотреть соответствующую справочную литературу. Этот процесс выразился, в частности, в организации новых экспедиций и отрядов.

Территория Волго-Окского междуречья является интересным и важным в историческом отношении регионом Восточной Европы. Она издавна привлекала к себе человека обилием удобных озер, рек и плодородных земель, выгодным географическим положением. Поэтому неудивительно, что в благоприятный период истории нашей археологии для продолжения археологического исследования важного для истории страны региона под руководством молодых специалистов — археологов Москвы и Ленинграда были образованы новые самостоятельные отряды и экспедиции. Одним из таких молодых исследователей был аспирант кафедры археологии исторического факультета тогда Ленинградского университета Игорь Васильевич Дубов.

Игорь Васильевич родился 10 июля 1947 года в городе Ленинграде в семье военнослужащего. Вместе с родителями объездил почти всю нашу страну. Школьные годы его прошли в Ярославле. В пятнадцатилетнем возрасте он, собирая материалы об истории города для школьного сочинения, попал в местный краеведческий музей, где произошло его знакомство с известным ярославским краеведом,

сотрудником музея археологом Алексеем Степановичем Смирновым. Это знакомство, как и работа в археологических экспедициях под руководством А. С. Смирнова, определило будущий жизненный путь — юноша «заболел археологией». Причем, прежде всего его привлекала не романтика палаточной жизни с песнями под гитару у костра, а возможность своими руками прикоснуться к глубокой древности, к корням русской истории и культуры. Закончив в 1965 г. специальную железнодорожную школу в Ярославле, Игорь Васильевич приезжает в Ленинград поступать на кафедру археологии ЛГУ. Эта кафедра в то время была одной из самых популярных на историческом факультете, конкурс на нее составлял свыше тридцати человек на место, и поступить удалось только на следующий год.

Потом были пять лет учебы у профессоров В. В. Мавродина, М. К. Каргера, чл.-корр. АН СССР П. Н. Третьякова и других выдающихся ученых, работавших на историческом факультете. Научным руководителем студента стал один из патриархов отечественной археологии, заведующий кафедрой археологии, а в прошлом директор Государственного Эрмитажа Михаил Илларионович Артамонов, среди исследовательских тем которого немалое место занимали проблемы ранней истории славян и Древней Руси. Раскопки в Старой Ладозе, крепости Орешек и Городце под Лугой в Ленинградской области, в Гнездово под Смоленском, в Дагестане, которыми руководили замечательные археологи Г. Ф. Корзухина, О. И. Давидан, А. Н. Кирпичников, И. И. Ляпушкин и др., стали для будущего специалиста отличной школой полевой археологии. Вместе со своими сокурсниками студент И. Дубов стал активно работать в опекаемом М. И. Артамоновым проблемном «Варяжском семинаре» молодого тогда преподавателя Л. С. Клейна. Из числа участников этого семинара вышла целая плеяда археологов-славистов, позднее составивших ядро славяно-финского сектора Ленинградского отделения Института археологии и кафедры археологии ЛГУ, которые вывели на качественно новый уровень изучение раннесредневековых древностей Северной Руси. Среди них можно назвать имена Е. А. Рябинина, Г. С. Лебедева, Е. Н. Носова, В. А. Назаренко, В. А. Булкина, В. П. Петренко и др. Доклады и курсовые работы И. Дубова о комплексах ярославских могильников со скандинавскими вещами (фибулами и гривнами с молоточками Тора) получили высокую оценку преподавателей кафедры и были рекомендованы к печати. Таким образом, к окончанию университета И. В. Дубов уже имел несколько опубликованных работ. Естественно, что талантливому студенту взяли в аспирантуру кафедры археологии.

В 1972 г. И. В. Дубовым была организована Ярославская археологическая экспедиция, которая приступила к исследованию памятников в окрестностях Ярославля. Уже первые обследования подтвердили наличие остатков поселений у дд. Малое и Большое Тимерёво и вблизи дер. Петровское, где до тех пор были известны лишь так называемые «ярославские могильники». Безусловно, наиболее значительные открытия принес следующий сезон раскопок в Тимерёво. В 1973 году был раскопан знаменитый теперь курган № 95 Тимерёвского могильника, давший новую уникальную информацию о могильнике в целом и показавший возможность и перспективы изучения курганов, носящих следы раскопок прежних лет. Тогда же было начато исследование открытого близ могильника поселения, площадь которого по первоначальной оценке превышала 5 га. Причем открытие этого поселения нельзя признать случайным. Это было закономерным результатом, итогом предшествующих полевых изысканий. Игорь Васильевич был среди участников первых раскопок аналогичного поселения в составе Гнездовского археологического комплекса под Смоленском, которое ныне успешно исследуется археологами кафедры археологии МГУ. Именно полевая школа И. И. Ляпушкина позволила состояться этому открытию. В том же 1973 году на распахке поселения был найден клад арабских монет IX века. Это был крупнейший клад арабских монет IX века, обнаруженный на территории Древней Руси и Восточной Европы в целом. Совместно с сотрудником Государственного Эрмитажа, ведущим специалистом по восточной нумизматике И. Г. Добровольским, тимерёвский клад был введен в научный оборот. Ими же на отечественных материалах открыт и новый исторический источник — граффити на восточных монетах.

В течение пяти полевых сезонов велось интенсивное изучение поселения раннего периода отечественной истории. В ходе этих работ изучены остатки крупного раннегородского торгово-ремесленного центра общеевропейского значения, вскрыты десятки сооружений различного назначения, в том числе производственные, обнаружены сотни интересных находок. Одновременно с работами нашей экспедиции в 1974—1978 гг. исследование могильника проводила экспедиция ГИМ под руководством М. В. Фехнер.

Кроме работ в окрестностях Ярославля, незначительные исследования были проведены экспедицией на Заморинском курганном могильнике, в древнейшей части г. Ярославля — на «Стрелке» у с. Городище Переславского р-на Ярославской области.

Результаты раскопок Тимерёвского археологического комплекса позволили И. В. Дубову высказать предположение о том, что в районе

Тимерёва располагался один из возможных центров Арсы — одной из «трех групп Руси» арабских источников. Материалы исследований были обобщены в опубликованной в 1978 году издательством ЛГУ коллективной монографии трех молодых преподавателей кафедры археологии (В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв.), в которой И. В. Дубовым были написаны главы «Северо-Восток» и «Археологические данные к проблеме образования Древнерусского государства». Эта книга стала первым изданием, по-новому освещающим данный круг проблем, в частности, после многих десятилетий замалчивания или искажений вопрос о присутствии скандинавских культурных элементов в Восточной Европе времени сложения древнерусского государства. В дальнейшем эти и другие проблемы нашли отражение в его монографиях: «Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья» (1982 г.), «Города, величеством сияющие» (1985 г.), «Великий Волжский путь» (1989 г.), «Граффити на восточных монетах» (в соавторстве с И. Г. Добровольским и Ю. К. Кузьменко, 1991 г.), «И поклоняющиеся идолу камени...» (1995 г.), «Залесский край. Эпоха раннего Средневековья» (1999 г.), «Варяги на Руси» (2001 г.). В центре его исследовательского внимания оказываются сложнейшие проблемы образования древнерусского государства, возникновения городов на Руси. И. В. Дубовым была выдвинута и обоснована теория «переноса городов» от ранних племенных центров к княжеским резиденциям, постепенно сосредотачивающим административную власть в округе. Для научной деятельности И. В. Дубова было характерным использованием всего круга имеющихся разнохарактерных источников, сочетание археологического материала и данных письменных источников, тщательный анализ историографического наследия.

На материалах исследований Ярославской экспедиции университета под руководством И. В. Дубова были написаны курсовые работы, дипломные сочинения, научные статьи, защищены диссертации. На базе Ярославской экспедиции ЛГУ проходили полевую археологическую практику студенты-историки ЛГУ и Ярославского педагогического института им. Ушинского. Одновременно экспедиция была и школой полевой археологии для молодых археологов, впоследствии начавших самостоятельные исследования, среди них В. А. Лапшин, А. И. Сакса, О. А. Щеглова, С. В. Томсинский, А. Н. Башенькин, автор данного сообщения и др.

Исследования экспедиции кафедры археологии Санкт-Петербургского университета под руководством И. В. Дубова подтвержда-

ют, что Тимерёво — открытое торгово-ремесленное поселение раннегородского типа, располагавшееся на перекрестке путей и, очевидно, контролировавшее один из участков Великого Волжского пути, соединившего с конца VIII века государства Переднего Востока и Средней Азии со странами Восточной, Северной и Западной Европы. Тимерёво находилось несколько в стороне от важной водной дороги по Которосли, которая входила в систему Волжского пути и связывала Волгу с оз. Неро, в контактной зоне территории кривичей и финно-угорских земель веси и мери. Вместе с тем концентрация крупнейших для IX века кладов арабского серебра, находок предметов быта, оружия и украшений импортного происхождения, большая площадь поселения, многоэтничный состав его населения позволяют сделать вывод, что Тимерёво являлось ключевым торгово-ремесленным и военно-административным пунктом на Балтийско-Волжском пути. Начало функционирования Тимерёва относится к третьей четверти IX века, о чем свидетельствуют клады, первые погребения могильника и ранние комплексы поселения. Основными занятиями жителей центра были торговля, ремесла и военное дело, что нашло отражение в материалах комплекса. Вместе с тем, население Тимерёва занималось сельским хозяйством, охотой, рыболовством, различными промыслами. Выделенные категории импортов свидетельствуют о прочных связях Тимерёвского центра со Скандинавией и Востоком. Время расцвета Тимерёва — середина X века — совпадает с расцветом восточной торговли. Тимерёвское поселение входило, наряду с Ладогой, Рюриковым городищем, Гнездовым и др., в единую систему торгово-ремесленных центров и военно-торговых путей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья. Перечисленные памятники стоят в одном ряду с другими раннегородскими торгово-ремесленными центрами балтийского региона, такими как Хедебю и Риббе в Ютландии, Каупанг в Норвегии, Павикен на Готланде, Хельго и Бирка в Швеции, Ральсвик, Любек, Менцлин и др. на южном побережье Балтийского моря, и были непосредственно с ними связаны. С включением Ярославского Поволжья в состав Ростовского княжества Тимерёво, учитывая имевшийся потенциал, могло играть роль опорного пункта княжеской власти на местах — погоста и одновременно опорного пункта для дальнейшего освоения финно-угорских земель, которое в массовом порядке началось во второй половине XI века переселением крестьян-землевладельцев уже с помощью формирующейся феодальной власти.

Наличие богатых дружинных захоронений некрополя Тимерёва (более 20%), в том числе совершенных в деревянных камерах и срубных могилах, захоронений женщин и детей в больших и богатых кур-

нагах, отдельных «усадеб» на поселении отражают процесс дальнейшего расслоения общества в середине — второй половине X столетия и начало процесса формирования древнерусской народности на этой территории. Специальное исследование показало, что при этом военная традиция и социальный состав населения Тимерёва остаются в целом неизменными на протяжении X — первой половины XI вв.

Тимерёво обладало признаками раннегородского центра и является не единственным поселением такого типа в окрестностях Ярославля. Отсутствие материалов из раскопок Михайловского и Петровского поселений не позволяет пока выявить их соотношение между собой и реконструировать механизм «передачи функций» поселению нового типа — княжескому городу Ярославлю. В первой половине XI столетия, сыграв свою роль в формировании государственности, усилении княжеской власти и боярской прослойки, в формировании народности на территории Ярославского Поволжья, в силу, прежде всего, ряда внешних причин — упадок международной торговли, «серебряный кризис» в связи с разгромом Хазарии, конец эпохи викингов и складывание централизованных государств в Европе — активная жизнь на Тимерёвском поселении замирает.

В 1983—1990 гг. кафедра продолжила исследование Тимерёвского археологического комплекса под руководством автора статьи. В ходе этих работ было выяснено, что наиболее ранние комплексы поселения, раскрытые к настоящему времени, очевидно, располагались на северо-западной его окраине. Они содержат чистый комплекс лепной керамики, украшения и бытовые вещи, кусочки янтаря, монету Идриса II конца VIII — начала IX в. Впоследствии они были перекрыты комплексами могильника с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, затем вновь комплексами поселения, среди которых раскрыты остатки уникальной обжигательной печи X столетия, и, наконец, верхний горизонт этого «слоеного пирога» представлен погребениями по обряду трупоположения на горизонте, датирующимися концом X — началом XI (по монете), и в ямах — XI—XII (?) вв.¹ Один из комплексов погребения содержал в инвентаре бронзовый браслет, который исследователи относят к украшениям мещеры.²

¹ Седых В. Н. Тимерёво: древнерусская деревня? Скандинавская фактория? Протогород? // *Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 6—9 октября 1998 г.* / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 1998. С. 22—26.

² Рябишин Е. А. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации // *Древняя Русь: новые исследования (Славяно-русские древности. Вып. 2)*. СПб., 1995. С. 81—102.

В науке известно два клада арабских монет, найденных в Тимерёве. В 1987 г. автору удалось выявить 17 монет, находящихся в руках местного жителя-коллекционера и найденных в 1967 (!) г. (обращаю внимание на год обнаружения клада) примерно на том же месте, где было обнаружено основное скопление монет клада 1968 г. По предварительной оценке, в распоряжении находчиков было не менее 2100 экземпляров монет (по 700 экз. у каждого), кроме того, по сообщению владельца, из найденных в 1967 г. монет не менее тысячи экземпляров было утрачено безвозвратно — их просто выбрасывали в р. Которосль при дележе монет. Младшая монета этой выборки датируется 867 г. Очевидно, мы имеем дело с еще одним кладом восточного серебра, сокрытым в непосредственной близости от Тимерёвского поселения. Самый крупный из трех тимерёвских кладов восточных монет был обнаружен, как уже говорилось, в 1973 г. на основной площадке Тимерёвского поселения. После возобновления исследования Тимерёвского комплекса было обнаружено еще 77 экз. дирхемов. Новые находки не изменили общей нумизматической оценки клада, подтвердили его первоначальную датировку. Таким образом, на сегодняшний день в состав клада входит 2762 монеты.

В исторических исследованиях часто отмечают, что после призвания Рюрика связи Руси с востоком значительно возросли. Так, в материалах конференции в Казани 2000 года опубликована статья А. Н. Кирпичникова об историческом и международном значении ВВП. В разделе статьи о восточном монетном серебре как международной валюте автор, ссылаясь на исследования американского нумизмата Т. Нунана, говорит о неуклонном росте монетных поступлений на территорию Восточной Европы, особо подчеркивая «резкий подъем» торговой активности в 860, 870 и 880 гг., т. е. в период, совпадающий с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика — «Здесь угадываются энергичные действия нового династа, направленные на расширение международной торговли...»³.

К этому периоду относятся и три тимерёвских клада. Как и другие клады этого периода, они состояли преимущественно из абассидских дирхемов, т. е. их отношение к другим монетам клада обычно составляло 85 % и более⁴. Основываясь на данных Т. Нунана, состав

³ Кирпичников А. Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение.

⁴ Noonan T. S. Ninth-century dirham hoards from European Russia: A preliminary analysis // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands*. Ed. M. A. S. Blackburn and D. M. Metcalf [BAR International Series 122 (1)]. Oxford, 1981, p. 66, Table C.

крупных кладов восточных монет этого периода можно представить следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Наименование клада	Год сокрытия	Количество монет	% аббасидских монет
Б. Тимерёво	865 г.	2762	91
Любынь	873 г.	2361	94
Хитровка	873 г.	465	96
Бобыли	876 г.	337	96
Шумилово	871 г.	1227	97
Железница	878 г.	258	100

Как правило, клады этого периода содержат небольшое количество умайядских дирхемов (до 7%) и очень небольшое количество дирхемов других династий (Идрисидов, Хараджидов, Алидов Табаристана и др.). Крупнейший клад из Б. Тимерёва имеет в своем составе все необходимые для кладов этого периода компоненты⁵ и сходен с ними по составу, поэтому с полными основаниями может быть отнесен к числу типичных кладов, зарытых в эпоху Рюрика.

Часто воспроизводимая в литературе таблица времени и количества выпавших в Восточной Европе кладов по периодам (табл. 2) свидетельствует, что в период 860–897 гг. количество выпавших кладов значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхемов, зарытых в Восточной Европе в период между 780 и 899 гг.

Представление о том, что период 860–879 гг. был периодом интенсивной торговли Руси с Востоком, является ошибочным. Это следует из анализа композиции кладов этого периода. Много из дирхемов, импортированных в Восточную Европу до времени правления Рюрика, оставались в обращении в течение долгого времени. Так, в рассматриваемых кладах почти все эти старшие дирхемы были импортированы в Восточную Европу до эпохи Рюрика. В большом тимерёвском кладе 865 г. лишь 2% дирхемов было чеканено после 862 года, а более 88% — в предшествующий период. В кладе из Любыни (873 г.) только 3% монет были отчеканены после 862 г., а 70% — ранее.

⁵ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерёво под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестн. ЛГУ. № 2. Вып. 1. С. 65–70.

Клады с пятью и более дирхемов, зарытые в Восточной Европе между 780 и 899 гг.

Даты	Количество кладов	Количество дирхемов	% от общего числа дирхемов
780–799	4	986	3,8
800–819	21	3400	13,3
820–839	15	3320	13,0
840–859	10	4427	17,3
860–879	23	13213	51,6
880–899	3	276	1,1
Всего:	76	25622	100,0

По: Noonan T. S., Ковалев Р. К., 2002. С. 154.

В кладе из Шумилова (870 г.) 63% дирхемов были чеканены до 819 г., 18% — между 820 и 859 гг. Соответствующие данные для клада из Погребенного (875 г.) — 72% и 12%; для клада из Бобылей (875 г.) — 62% и 17%, для клада из Хитровки (876 г.) — 68% и 18%.

Заключение о том, что более половины дирхемов, найденных в кладах этого периода, были ввезены в Восточную Европу задолго до эпохи Рюрика, подтверждается данными большого клада 878/79 гг. из Сузы (Иран) — 90% дирхемов из этого клада были отчеканены в течение 860–870-х гг.⁶ То есть в эпоху Рюрика на Ближнем Востоке обращалось совсем немного старых дирхемов. Таким образом, большинство старых дирхемов, бывших в обращении в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда до 860 года, в период интенсивных русско-исламских торговых связей. Во времена же Рюрика, очевидно, русско-исламская торговля была более скромной, чем это предстает из таблицы 2.

Очевидно, что накопленные в Восточной Европе в предшествующий призванию Рюрика период богатства в виде серебряных дирхемов и привлекали викингов в русские земли. Одна из групп викингов около 860 г. обосновалась в Северной Руси, но вскоре была изгнана. Основной целью проникавших в глубь восточноевропейской территории групп викингов было подчинение местного населения, обложение его регулярной данью, контроль над участками Великого волжского пути — т. е. борьба за доминирующее положение в исламской торговле.

⁶ Нунан Т. С., Ковалев Р. К. Клад 873/74 гг. из Любыни: Войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 152–156.

Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что многие начали зарывать в землю накопленные ими дирхемы. Именно беспокойное время породило такое количество больших кладов, которые были зарыты именно в этот период. К эпохе Рюрика на Руси относятся и первые скандинавские погребальные комплексы — курган № 95 могильника Костино в Юго-Восточном Приладожье, курганы Кусцинского, курган Ц-2 и № 47 Лесной группы в Гнездово (раскопки Д. А. Авдусина), некоторые курганы могильника Новосёлки под Смоленском и могильника Плакун в Старой Ладоге и курган № 95 Тимерёвского могильника.

Таким образом, период 860—880-х гг. характеризуется обращением огромного количества дирхемов, поступивших в пределы Восточной Европы до 860 года, скромным уровнем коммерческих отношений с Востоком и интенсивными столкновениями в русских землях. Именно изобилие серебра и постоянные конфликты породили большие клады, подобные кладам из Тимерёва и др.

Основное внимание при раскопках комплекса было уделено исследованию курганного могильника. В 1984—1990 гг. было исследовано девять курганов, имевших повреждения насыпей в виде ям и траншей — следы грабительских или несовершенных в методическом отношении раскопок прошлого. По сведениям М. В. Фехнер, таковых в могильнике насчитывается 45 насыпей (9,5%) и располагаются они по всей территории некрополя. Раскопкам экспедиции подверглись насыпи в центральной и западной частях могильника, в том числе наиболее крупные (№ 285, 297, 382). Среди них погребения в камерах, как мужские, так и женские, парные (мужчина и женщина), сопровождающиеся находками монет, торгового инвентаря, богатыми поясными наборами, фибулами, предметами культа, остатками богатых уздечных наборов, шкатулок с предметами роскоши и т. п.⁷

⁷ Дубов И. В., Седых В. Н. Новые исследования Тимерёвского могильника // Древности славян и финно-угров / Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16—22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 115—123; Седых В. Н.: 1) Большие курганы Древней Руси // Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. Гістарычна-археалагічны зборнік. № 11. Мінск, 1997. С. 28—32; 2) Timerevo — un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Skandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au College de France en octobre 1997, edités par M. Kazanski, A. Necessian et C. Zuckerman (Realites byzantines 7), P. Lethiellux Paris, 2000. С. 173—197; 3) Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научно-семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 173—188.

Здесь уместно отметить, что в могильнике Тимерёва обнаружено 58 фибул скандинавского происхождения (овальные черепаховидные односкорлупные непрорезы с рельефным орнаментом типов ЯП 27 и 37, двухскорлупные ажурные типов ЯП 51 и 52; трилистная; равноплечные типов ЯП 58 и 70—73; кольцевидные с длинными иглами типа ЯП 227; круглые односкорлупная непрорезная и двухскорлупные ажурные типа ЯП 116 — процент больший, чем в известном скандинавском могильнике Бирка и синхронных могильниках Древней Руси.

Комплексы погребений, некогда скрытые курганными насыпями, уничтоженными в ходе многовековой распушки, были зафиксированы при раскопках пограничного с могильником участка поселения. Всего вскрыто семь погребений по обряду труположения в грунтовых ямах, которые сопровождалось разнообразным инвентарем. Самым поздним является захоронение мужчины, исследованное в сезоне 1989 г., оно сопровождалось денарием, чеканенным во Фризии при графе Бруно III (1038—1057 гг.).

Кроме исследований Тимерёвского археологического комплекса, небольшие работы были проведены в зоне комплекса археологических памятников у д. Петровское Ярославского района. Учитывая хорошую сохранность нижних отложений культурного слоя и наличие остатков построек на поселении, представляется перспективной организация стационарных раскопок широкими площадями и этого памятника эпохи раннего Средневековья в Ярославском Поволжье.

В 1985 году на противоположном берегу р. Шатерки на высокой террасе была зафиксирована насыпь сопковидной формы. Ее размеры: высота ок. 3 м, диаметр по основанию 15 м, верхняя площадка имеет размеры 6,5×7,0 м. В верхней, разрушенной части насыпи на склоне обнаружены фрагменты кальцинированных костей, фрагменты лепной и круговой керамики. Окончательно суждение о характере и времени сооружения обнаруженного объекта можно будет составить лишь после проведения специальных полевых исследований.

В Петровском курганном могильнике насчитывается 26 курганов, которые имеют нарушения насыпи в результате кладоискательских или несовершенных раскопок. Четыре из них были исследованы экспедицией в 1988 г. *и т. д.*

Таким образом, продолжающиеся более полутора веков археологические исследования на территории Ярославского Поволжья памятников эпохи раннего Средневековья создали обширную источниковедческую базу, которая может быть использована для решения

конкретных исследовательских задач. В итоге этих работ изучено несколько сотен погребальных комплексов IX—XI вв., разведочным или стационарным раскопкам подверглись поселения, расположенные рядом с известными некрополями. Перспективным, на наш взгляд, является развертывание широких полевых изысканий в зонах прото-городских центров Ярославского Поволжья (Тимерёво, Петровское, возможно, Михайловское), в самих городах (Ярославль, Тутаев и др.) и их окрестностях, а также исследование сельских поселений и могильников домонгольского времени.

М. С. Соповьсва

Из истории архитектурно-археологических исследований территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле

Первое упоминание о Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле относится к 1216 году в связи с тем, что Ростовский князь Константин Всеволодович заложил здесь каменный собор «церковь каменну всемилостивейшего Спаса» (Лаврентьевская летопись)¹. Установлено, что в 1501 году пожаром был разрушен древний собор и в 1506—1516 гг. возведено существующее ныне здание, которое на протяжении своего существования подвергалось многократным переделкам².

Первая попытка обследовать территорию монастыря была связана именно со Спасо-Преображенским собором. В 1939 году М. К. Каргер провел исследования с целью обнаружить следы древнего собора XIII века. К сожалению, на настоящий момент никаких данных об отчетах, дневниках или каких-либо графических материалах, зафиксировавших результаты этих раскопок, нет. Однако в фондах Ярославского музея-заповедника хранятся фрагменты древних строительных материалов. Среди них обломки плитины и белокаменных орнаментированных резьбой деталей³. Исследования 1939 года дали весьма неясное представление о соборе 1216—1224 гг.

¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.

² Иоаннисян О. М. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство: Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 199.

³ ЯМЗ — 7010.